

[Окончание.
Начало на 1-й стр.]

Дорогой Владимир Ильич!

Н. А. Рожков вручил мне для передачи Вам прилагаемое письмо; позвольте и мне присоединить к этому письму некоторые соображения.

Считаю, что разрешение свободной торговли недопустимо принципиально и не осуществимо практически в условиях отчаянной разрухи транспорта и той анархии, кою плодит окаймляющая власть на местах.

Но — всемерно присоединяюсь к идее Вашей личной диктатуры, понимая под этим самую строгую централизацию власти

ческий человек, но — положение становится угрожающим.

Будьте здоровы!

А. ПЕШКОВ.

[1919 г...]

Владимир Ильич!

«Комиссия по улучшению быта рабочих» принялась за дело весьма усердно, но сие усердие лишено не только милосердия, а и разума.

Вот уже наблюдается несколько случаев выселения докторов из занимаемых ими квартир: выселили известного специалиста по болезням сердца Плетнева, выселяют специалиста по туберкулезу д(окто)ра Алексина,

го знания», а не о гуманистах.

Работают они — превосходно, продуктивно, как никогда, и Сов(етская) Власть может похвастать, сказать, что за два года ее бытия почти во всех отраслях наук естественных достигнут целый ряд открытий и изобретений высокой важности. Если Вы поручите кому-нибудь — человеку умному и серьезному, а не Рязанову, напр(имер) — составить перечень открытий и работ научных за два года — вас поразит обилие ценнейших фактов высокого практического значения. Этот перечень имел бы большое агитационное и мораль-

значительное влияние. И вы понимаете, конечно, что этим актом они накидывают на свой шею петлю — Колчаки и Деникины не простят им этого выступления.

Далее: посылаю доклад одной коммунистки, которая все время последнего наступления белых была на фронте. Она сама видела, как жестоко порят солдат и ей нельзя не верить, — это баба честная и неглупая.

Нельзя ли не пороть? Она говорит: «Я бы ничего не имела против, если бы пороли коммунистов, — это люди сознатель-

вают русского рабочего, тратя его деньги не на пропаганду и агитацию, а на свои жульнические делишки.

Не менее тяжело ему наблюдать взаимную вражду и грызню и среди русских «советских» людей, видеть сотни бездельников, припеваючи живущих на средства «казны».

О этих людях Вам немало интересного может рассказать А. М. Лежава, — если он решится, — во всяком случае, предложите ему показать Вам книжки, изданные неким Оцупом, — это, конечно, мелочь,

и одно это вполне оправдывает все ее грехи — вольные и невольные.

Здесь, — начиная с Финляндии — о России ничего толком не знают и ничего не понимают, но интерес к нам во всех слоях — невероятно напряжен. Сов. власть могла бы привлечь силу партии наиболее здоровой и ценнейшей технической, а также литературной интеллигенции Запада, если бы успела «показать товар лицом» — могли бы толково информировать обо всем, что делается у нас в области науки, искусства. Больше всего кричат о падении последнего — белые, а шведы, немцы, даже французы покупают русские картины для своих музеев и всячески имитируют наших молодых художников.

Следовало бы устроить в Берлине выставку русского искусства за время революции, — это будет иметь серьезное значение. И затем следует подумать: зачем, для кого издаются за границей советские газеты на русском языке? Стоят они огромных денег, кормятся около них куча безграмотных лентяев — в этом, что ли, смысл их титя? Белые издеваются над ними, и есть за что.

Сколько денег тратится зря страной, население которой издыхает с голода! Неужели нельзя иначе устроить, несколько умнее все это?

Вот и я должен собирать деньги для голодных, но видя, что делается с ними — с деньгами — здесь, как-то странно чувствуешь себя. Тем более, что ведь немцы видят головетяпство и жульничество наше, видят и — хотя еще не пишут об этом, — но и не молчат. Возможен момент, когда протянешь руку за милостыней голодному мужику — филантроп скажет нечто такое, на что ему трудно будет ответить. И рабочий Европы может сказать: «Вот как — Вы сегодня просите у нас, а еще вчера прислали нам 80 т(ысяч) лир, которые украл один из вождей наших» — Ох, как все это скучно, дорогой В. И.

До свидания. Будьте здоровы.

А. ПЕШКОВ.

22.XI 21

— Публикацию подготовили Ирина СЕЛЕЗНЕВА [Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории], Надежда НАДЕЖДИНА [Труд].

...«КРАСНЫЕ» ТОЖЕ НЕ ТОВАРИЩИ МНЕ»

в Ваших руках или в руках Вами намеченного и выбранного коллектива работников, подобных Л. Б. Красину. Уверен, что только это может спасти нашу страну, да и германскую революцию, — потому что если мы не накормим немцев, — они проиграют игру. Я видел Фукса, и хотя в Москве его здорово накачали коммунизмом по-русски, однако парень не настолько обабдел, чтоб не понимать простейшей истины: без продовольственной помощи со стороны России спартаковцы не справятся со своей задачей и что только эта помощь даст им силу и власть. Для того, чтоб кормить немцев, необходимо насытиться самим, и т. д.!

А мы насытимся лишь при условии, если Вы возьмете дело в свои руки, изъяв его из рук тех болванов, которые не чувствуют разницы между экономическим материализмом и политическим идиотизмом. Вы, прирожденный политик и государственный человек, не можете не понимать, что иной раз — необходимо пожертвовать чистотою принципа, дабы этот же принцип глубже внедрить в сознание масс. Сейчас пуд муки имеет гораздо более серьезное политическое-агитационное значение, чем митинг на 3 тысячи человек, даже и с участием самого т. Зиновьева. Вам, конечно, не известны резолюции, которые выносятся здешние рабочие, а в этих резолюциях ясно звучит потеря веры в силу и разум власти.

Дорогой В(ладимир) И(льч)! Надо что-то делать, и как можно скорей. Я вовсе не пани-

причем отбирают у него и всю мебель.

Есть и еще десяток аналогичных случаев.

Послушайте, В(ладимир) И(льч): не будет ли лучше сделать так:

отвести в каждом городском районе дом для докторов в полное их распоряжение? Это и докторов устроит, и для населения района удобно — каждый будет знать, где ему найти хирурга, акушера и т. д.

А так, как это делается сейчас, мы ничего, кроме излишнего раздражения одних и разврата других — не создадим.

Говоря о разврате, я имею в виду воровство обстановки из квартир.

Я особенно прошу Вас оказать внимание д(окто)ру Алексину, это прекрасный медик, — его знает Мария Ильинишна — мой старый друг. Распорядитесь, прошу Вас, чтоб у него не отбирали мебель!

Очень прошу!

А. ПЕШКОВ.

И нельзя ли дать Алексину какую-нибудь квартиру — не на улицу же ему идти с детьми! Пожалуйста!

А. П.

[1919 г.]

Дорогой Владимир Ильич! Посылаю Вам докладную записку петроградских ученых и убедительно прошу Вас обратиться на нее серьезное внимание. Положение ученых — отчаянное. Я говорю главным образом о представителях «положительно-

ное значение и в глазах людей Антанты.

Но — все-таки ученые погибают с голода и холода. Необходимо сделать все возможное, чтоб поддержать их здоровье и трудоспособность. Нужно дать им хлеба и дров. Сделайте что-нибудь в этом направлении! Когда-то социалисты обещали дать простор и свободу людям науки, обещали создать для них особо удобные условия жизни. Теперь речь идет только о красноармейском пайке.

Засим: несколько раз бывшие «буржуи» — люди, стоявшие во главе крупных торгово-промышленных предприятий, (хотели) заявить от их лица Антанте, что они не считают Колчака, Деникина и прочих врагов Сов(етской) Власти представителями действительных интересов страны и народа, хотя и не являющиеся сторонниками коммунистов в их приемах управления страной. На службу С(оветской) В(ласти) они не идут потому, что считают большинство коммунистов бездельниками, неучами, а — главное — ворами. Это совершенно справедливо и — сколь сие не странно — рабочие относятся к коммунистам так же отрицательно, как и бывшие хозяева их.

Но дело не в этом, а в том, что все-таки эти люди выражают желание заявить Антанте, что они отнюдь не являются сторонниками Деникина и Колчака. В вашей воле использовать это желание или отвергнуть его. Я говорю о людях, которых заграничный торгово-промышленный мир хорошо знает. Их голоса могут оказать весьма

ные, они должны отвечать за свои поступки. Но истязать бессознательных людей — это значит внушать им ту же ненависть к революции, которую они питали к монархии».

Я, конечно, не верю, что русский народ питал активную ненависть к монархии, нет, — он просто терпел ее, так же позорно, как ныне терпит бессмысленный и бездарный режим Сов(етской) Власти.

Но я совершенно согласен с тем, что коммунистов необходимо пороть. Ах, какие это воры, если бы Вы знали! И какие подлые буржуи будут из них года через два-три!

Засим — до свидания! Желаю всего доброго

А. ПЕШКОВ.

Очень прошу — поставьте ученых более достойно, дайте им возможность работать!

А. П.

[1919 г.]

Дорогой В. И.!

По дороге в Германию здоровьишко мое несколько растрепалось, а приехав сюда, я узнал, что у меня рецидив туберкулеза легких. — это требует двух-трехмесячного лечения в Шварцвальде, куда я и отправляюсь.

Беру с собой Максима, он тоже достаточно растрепан. Нервы — расшатаны, настроение — скверное, в голове — сумбур. Он — честный парень и ему слишком тяжело видеть различных интернациональных жуликов, которые, прикрываясь званием «коммунистов», обворовы-

но — туберкулезная бацилла тоже мелочь, однако она разрушает весьма сильные организмы. Атом — тоже мелочь, но — основа мира, видимого нами.

Недавно о мелочах очень умно — хотя и с опозданием — говорил Троцкий, — Вам бы тоже не мешало бросить в бесстыжие зенки россиян горсточку перца этих мелочей.

Извините меня, если я скажу Вам, что мне очень тревожно за Вас, — как бы Вам голову не свернули за Вашу экономическую политику. Идиотов на Руси стало значительно больше, чем было их при старом режиме, — может быть, это потому так кажется, что тогда они бездействовали, а ныне — призваны к власти.

Власть пришлось им по вкусу, и новую экономическую политику они не могут рассматривать иначе, как посягательство на их власть, а потому я думаю, что в данный момент у Вас гораздо больше врагов слева, и что они опаснее врагов справа. Да, пожалуй, и бесстыднее. Присматриваясь к тому, что пишут и делают враги справа — ясно видишь: какое гниль! Неприятно, все-таки, видеть соотечественника гниющим в проказе. Собираюсь написать книжечку о русском народе [опричь] — о мужичке нашем, о том чужом дяде, на которого работаете Вы и который постепенно поглощает остатки революционной энергии русского рабочего. Книжка, конечно, явится апологией советской власти, — она одна только и могла поднять на ноги свинцовую массу русской деревни,

откровенно сообщить Вам мое мнение по этому поводу:

для меня богатство страны, сила народа выражается в количестве и качестве ее интеллектуальных сил. Революция имеет смысл только тогда, когда она способствует росту и развитию этих сил. К людям науки необходимо относиться возможно бережливее и уважительней, — особенно необходимо у нас, где семнадцатилетние мальчишки идут в казармы и на бойню гражданской войны и где — поэтому — рост интеллектуальных сил будет надолго задержан.

Мы, спасая свои шкуры, режем голову народа, уничтожаем его мозг.

Очевидно — у нас нет надежды победить и нет мужества с честью погибнуть, если мы прибегаем к такому варварскому и позорному приему, каким я считаю истребление научных сил страны.

Что значит этот прием самозащиты кроме выражения отчаяния, сознания слабости или — наконец — желания мести за нашу собственную бездарность?

Я решительно протестую против этой тактики, которая поражает мозг народа, и без того достаточно нищего духовно.

Знаю, что Вы скажете обычные слова «политическая борьба», «кто не с нами — против нас», «нейтральные люди — опасны», и прочее.

Огромное большинство представителей положительной науки нейтрально и объективно, как сама наука: это люди аполитичные.

Среди них большинство — старики, больные: тюрьма убьет их: они уже достаточно истощены голодом.

Владимир Ильич, Я становлюсь на их сторону и предпочитаю арест и тюремные заключения участию — хотя бы и молчаливому — в истреблении лучших, ценнейших сил русского народа. Для меня стало ясно, что «красные» такие же враги народа, как и «белые».

Лично я, разумеется, предпочитаю быть уничтоженным «белыми», но «красные» тоже не товарищи мне.

Позвольте надеяться, что Вы поймете меня.

М. ГОРЬКИЙ.